

Ольга КОМОК

Нина Лобанова-Ростовская, коллекционер театрально-декорационного искусства: «Помните, свет – убийца графики»¹

Лоренс Келли, сын британского посла в СССР в 1949-51 гг. Давида Келли, Нина, Сергей Лифарь и Никита

университета Никита Лобанов-Ростовский с восхищением назвал имя Дягилева, разделить его страсть к коллекционированию наследия «Русских сезонов» оказалось легко, юношеская затея стала делом жизни.

Екатерина Серебрякова, Александр Серебряков и Нина Лобанова в мастерской Зинаиды Серебряковой на Рю Кампань-Премьер, Париж, 1986 г.

театрального и музыкального искусства. С тех пор Нина Лобанова-Ростовская подарила петербургскому музею еще около полусотни шедевров Бакста, Бенуа, Гончаровой, Серебряковой и других великих

Дочь посланника Франции в ООН и впоследствии заместителя генерального секретаря ООН Нина Жорж-Пико хотела стать балериной. От этой профессии ее отговорил Серж Лифарь – друг семьи, знаменитый танцовщик и хореограф «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Когда в 1959 г. будущий муж Нины, студент Колумбийского

Коллекция русского театрально-декорационного искусства Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, известная во всем мире, была куплена фондом «Константиновский» в 2008 году, в 2013-м ее передали в дар Государственному музейному фонду, хранителем стал Санкт-Петербургский музей

¹ «Деловой Петербург», № 133, 07/09/2018. С. 12.

русских эмигрантов начала XX века. Все они будут впервые показаны широкой публике на выставке «100+10», которая откроется в Шереметевском дворце к 110-летию музея. Как охотиться за сокровищами и зачем отдавать их в российский музей, живущая в Лондоне Нина Лобанова-Ростовская рассказала обозревателю «ДП».

Почему вы начали коллекционировать театральные эскизы и графику? Почему Сергей Дягилев и его «Русские сезоны»?

– В 1954 году Никите Дмитриевичу было всего 19 лет. В Лондоне он увидел потрясающую Дягилевскую выставку, которую организовал знаменитый балетный критик Ричард Бакл. Никита был поражен живостью, цветом, динамизмом театральных эскизов и тут же решил, что однажды у него должна появиться коллекция именно этого искусства. Пять лет спустя мы встретились с Никитой в Нью-Йорке, он рассказывал мне о своей идее. Я любила балет, мечте его сочувствовала, так что почти сразу же мы принялись собирать все, что могли найти и себе позволить.

Нина и Никита в зале с произведениями из коллекции Лобановых-Ростовских

Ballets Russes Сергея Дягилева, или «Русские сезоны», как их называют в России, совершили революцию в мире балета. В их недрах родилась новая хореография. Благодаря им была создана величайшая музыка за всю историю балета: только подумайте, три шедевра Стравинского появились один за другим

– «Жар-птица» в 1910-м, «Петрушка» в 1911-м и «Весна священная» в 1913 году. Сценография и костюмы Леона Бакста, Александра Бенуа, Александра Головина и Николая Рериха перевернули представления о самой сути театрального дизайна в Европе, а потом и в Америке.

Трудно начинали?

– Отсутствие информации было громадной проблемой. Сегодня так легко погуглить что угодно, столько издано книг, выставочных каталогов, опубликованы архивы. 59 лет назад ничего этого не было. Художники, которыми мы интересовались, не только не принадлежали к школе соцреализма, но были эмигрантами, что делало их персонами нон грата в Советском Союзе и советском искусствоведении. Имя Александра Бенуа впервые появилось в печати в 1960 году, когда великий историк искусства

Илья Самойлович Зильберштейн написал его некролог и тот был чудом опубликован в газете «Правда». В нашем арсенале была книга о русском театре на немецком, кое-какие книги о Дягилеве, несколько дюжин программ юбилейных вечеров на французском, итальянском и испанском, 14 выпусков эмигрантского художественного журнала «Жар-птица», который издавался в Берлине в 1920-е.

Поскольку читать было нечего, мы добывали информацию в семьях художников. В Париже мы познакомились со старшей дочерью Александра Бенуа Анной Черкасовой. Она так и жила в отцовской студии, окруженная папками его рисунков. Мы хорошо знали замечательного сына художника – Николая Бенуа, он жил в Милане и более 30 лет работал главным художником-постановщиком театра Ла Скала. В Париже мы общались с племянницами и племянником Бакста, детьми Зинаиды Серебряковой – тоже художниками Александром и Екатериной. Мы дружили с танцовщиком Сергеем Лифарем, последним любовником Сергея Дягилева. Он был на нашей свадьбе в Париже в 1962 году, не раз приезжал к нам в Лондон. В Нью-Йорке мы познакомились с великим танзором и хореографом Джорджем Баланчиным, чья первая жена Тамара Жева была дочерью основателя петербургского Театрального музея. Там же мы много почерпнули благодаря музею Николая Рериха.

В первом ряду: Никита, Нина, директор «Эрмитажа» М.Б. Пиотровский с супругой. Сзади и справа от Нины: Николай Цискаридзе.

Какие чувства испытываете, отдавая в дар шедевры? Не жаль?

– Давно собиралась подарить музею прекрасные вещи, которые оставались со мной после продажи основной части коллекции фонду «Константиновский», но при одном условии: коллекция остается в музейном хранении, а не в Константиновском дворце. Он не подходит для хранения хрупкой графики, там нет влажностного, светового и температурного контроля. Какое-то время назад я даже думала

отдать свои работы в один французский музей, но дела повернулись иначе, и я рада этому. Мне кажется, Франция не продемонстрировала достаточно уважения к таким талантливейшим русским художникам, как Бакст, Бенуа, Серебряковы, Наталия Гончарова, Михаил Ларионов, которые жили и творили в этой стране более четверти века.

Я скучаю по картинам на моих стенах, но мне не жаль, что они оказались в Театральном музее. Они сейчас в правильном месте. Я надеюсь, что поколения новых театральных художников будут изучать это искусство и вдохновляться им, чтобы создавать красоту вместо уродства, которое мы так часто видим в современном театре. Сценография должна быть праздником для глаз, как говорят у вас в России.

Есть ли среди последних даров музея ваши фавориты?

«Голубая султана» Леона Бакста

– Моя любимая – «Голубая Султана» для балета «Шехеразада». Я также очень люблю подчеркнуто русские эскизы Гончаровой к «Золотому петушку», пять эскизов костюмов Александры Экстер для «Аэлиты», первого научно-фантастического фильма, шесть эскизов Челищева для разных балетов Бориса Князева. Последние – настоящая находка. Мы с Никитой гуляли по Афинам жарким летним днем 1966 года. Мучила жажда, и Никита предложил выпить лимонада в ближайшем кафе. На улице было три заведения: «Акрополис», «Древний герой» и «Петроград». Конечно, мы зашли в третье. Стены были увешаны работами Челищева и других художников. Тем же вечером мы познакомились с хозяином кафе, которого звали Николай Яковлев, и в конце

концов он продал нам шесть работ Челищева. В 1967 году, когда мы устроили небольшую выставку русского театрально-декорационного искусства в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, куратор взял именно Челищева для обложки каталога.

Какой музейной и выставочной судьбы вы хотели бы для своей коллекции?

– Тепло поздравляю Музей театрального и музыкального искусства со 110-летием. С появлением в музейном собрании нашей коллекции музей стал главным мировым хранилищем русского театрально-декорационного искусства в области драматического театра, оперы, балета и кабаре. Надеюсь, музей мудро распорядится этим собранием, будет учить и

вдохновлять будущих театральных дизайнеров, не слишком осложняя им доступ в фондохранилище. А еще страстно желаю, чтобы музей не слишком часто отправлял шедевры коллекции на зарубежные выставки. Пожалуйста, помните, что свет – убийца графики.